

Артюхов Олег

ПАДЕНИЕ ГРАНИ

Олег Артюхов

Падение грани

«Автор»

2023

Артюхов О.

Падение грани / О. Артюхов — «Автор», 2023

«Грань – граница, предел, конт, край, кромка, конец и начало, черта раздела...». Толковый словарь Даля. Никто не знает, что случится с ним в следующий миг и куда его забросит чужая воля, почему-то называемая судьбой. Мог ли подумать 32-летний москвич Антон Латов, что причина и следствие, жизнь и смерть вдруг поменяются местами, а он окажется в центре невероятных событий... Часть трилогии. Обложка создана мной лично в фоторедакторе. Авторство обложки подтверждаю.

© Артюхов О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Олег Артюхов

Падение грани

«Грань – граница, предел, конт, край, кромка, конец и начало, черта раздела...».
Толковый словарь Даля.

Глава 1

– ...и всё это за пределами моего понимания! – Александр нервно мотался по кабинету из угла в угол и от сильного волнения дёргал себя за пальцы.

Я сидел напротив в удобном кресле, слушал его, вертел на блюдце чашку с ароматным чаем и жмурился от удовольствия, наслаждаясь ощущением знакомых с детства запахов, звуков и видов, теми обыденными мелочами, которые люди обычно не замечают. Александр остановился напротив, замолчал, тонко уловив момент моего блаженного состояния, и придержал готовые обрушиться на меня проблемы.

Я не стал заставлять Александра ждать, и, стряхнув с себя наваждение воплощения, начал осмысленно погружаться в реальность. А пораскинуть мозгами, действительно, было над чем, ведь за двадцать лет моего отсутствия проблем накопилось вагон и маленькая тележка, а произошедшие на планете перемены и вовсе обескуражили.

Посудите сами, ещё совсем недавно мир задыхался от неразрешимых опаснейших проблем: больших и малых войн, фанатизма, терроризма, коррупции чиновничества, грызни политиканов за власть, драк олигархов за сладкие куски экономики, интриг тайных организаций. Теперь всё это вспоминалось, как кошмарный сон. Высочайшие знания и технологии соцсетей подняли земную цивилизацию на небывалую высоту. Человечество забыло о голоде, болезнях и бедности. Все насквозь прогнившие систем власти обрушились, и народы мира пожелали жить единым сообществом. Человечество объединилось вокруг Кругов хранителей, которые слились в Координационный Конгресс во главе с Верховным Советом Земли, разместившемся в древнейшем городе Земли Иерусалиме.

Александр теперь жил в Риме и не имел никакой официальной должности. Он был просто Хранителем Земли. Сейчас он стоял напротив, сжимая побелевшей от напряжения рукой стакан с водой. Под его нахмуренным лбом темнели круги вокруг глаз, подчёркивающие жёсткие очертания скул. Глубоко вздохнув, Александр сжал пальцами правой руки виски, а потом вскинул голову, блеснув глазами:

– Я никогда не сомневался, что жизнь намного сложнее, чем кажется, но то, что начало происходить вообще ни в какие ворота не лезет!

Он шумно выдохнул, и тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от застрявших в ней мыслей. Поёжившись, он поскрёб щетинистую щёку и принялся излагать:

– Вся эта чертовщина началась два года назад, и тогда никто не придал этому значения. Думали, обычные шаровые молнии. Ну, выжгут пятно на земле, в крайнем случае, вызовут пожар, или опалят чью-нибудь физиономию. Однако они стали возникать регулярно и их размер начал увеличиваться. А потом и вовсе началась суцая бессмыслица. Из ниоткуда на миг стали появляться чёрные шары и со вспышкой и грохотом сталкиваться. На несколько секунд возникает вихрь и проваливается сам в себя. На первый взгляд интересный феномен, повод для изучения и разбирательства. Но эти проклятые вихри продолжали увеличиваться в размерах, стали превращаться в воронки и втягивать мусор и мелкие предметы. Дальше, больше. В них начали бесследно исчезать куски поверхности вместе с растительностью и строениями! А два дня назад в предместьях Мадрида в вихре исчез большой дом, а вместо него выбросило странного вида машину с десятком мёртвых тел в необычном облачении. Никто ни хранители, ни ученые, ни соцсети не понимают что это такое.

Александр замолчал, и в его руке хрустнул стакан. Сморщившись, он посмотрел на окровавленную ладонь, вытащил из кармана платок, намотал на руку и ногой отбросил осколки в угол. Сев в кресло, он уставился в окно и продолжил:

– Чую, что в наш мир прорывается какая-то иная реальность, а мы ничего не понимаем. Я впервые чувствую себя полным болваном, потому я вызвал тебя. Можешь меня ругать, можешь презирать, но, если умный признаёт себя дураком, то он ещё и честный.

Незаметно улыбаясь в усы, я смотрел на этого человека и думал о превратностях судьбы. Когда-то я спас его от смерти и чуть перестарался с использованием высших сил. Всё закончилось благополучно, но ему досталась часть моих необычных способностей и частичка моей души. С тех пор я совершенно искренне считаю его своим братом и ничуть не жалею о случившемся. Он взвалил на себя тяжёлую ношу и сумел сделать невозможное: объединить жителей планеты, и создать удивительный союз людей и соециитов. Даже отъявленные гордецы тиа-матиане осторожно пошли с ним на контакт. По моему настоянию Великие Творцы провели его через четвёртое посвящение, дав ему силу и необычные способности, и потому до сих пор я был спокоен за Землю. Теперь же на лице Александра я не заметил уверенности и бывшего энтузиазма.

Его тревожная озабоченность и непритворная обречённость, как холодный дождик, остудила мой восторг от гордости за человечество, и до меня начал доходить смысл и суть его страхов. Услужливая память вытащила воспоминания о моей схватке с Великим Тёмным, которого в последнее время с подачи научников стали называть Великим Аттрактором. Тогда мне удалось взбудоражить и увлечь за собой стаю чёрных дыр и натравить на космического монстра. Во время той заварухи от их столкновений взрывалось само пространство-время, и в возникающих пробоях зияла иная реальность. Кстати, физики-теоретики предвидели это явление и придумали для него смешное название – червоточина. Здесь происходило нечто подобное.

Безусловно, мелкие червоточины не могли поколебать основы нашего мира, но мощностъ явления нарастала, и это вызывало вполне логичный вопрос: до какого размера? Почему? Каким образом? Вопросы умножались и росли, как снежный ком, и от ответов на них зависело очень многое, если не всё. А главное, я тоже не понимал как чёрные дыры могли проникать в плотное пространство Земли? В какую реальность они пробивают брешь? И так далее, и тому подобное.

Я невольно поморщился, поскольку ненавижу всякие нелепицы, к тому же несущие прямые и непосредственные угрозы. И, если эти «червоточины» будут расти и изуродуют всю Землю, какой тогда смысл в небывалом развитии земной цивилизации? И что толку от нашей исторической удачи? Но, если отставить эмоции, я никогда особо не рассчитывал на эту капризную даму, ведь коварная удача то начинает кончаться, то кончает начинаться, и сетовать на её отсутствие всё равно, что злиться на молчаливость телеграфного столба. Короче, включаем логику и спокойно прикидываем ситуацию к носу.

В принципе я знал, где мне навести справки, но не спешил этого делать. Вокруг витал противный запах подвоха, и интуитивно я чувствовал, что не стоит действовать поспешно и прямолинейно. Нужно хорошенько всё обдумать и постепенно докопаться до истины.

То, что ситуация начинает выходить из-под контроля дошло до меня не сразу и не из-за приобретённого слабоумия или недостаточности здравого смысла. Весьма злую шутку со мной сыграл коварный парадокс времени. Пока в том месте, откуда я прибыл, прошли двадцать дней, здесь промелькнули двадцать лет. Слава Творцу, об этом не знает Елена. Отправляясь сюда, я физически не мог взять её с собой, оставив наш новый дом без присмотра, а если честно, то и не хотел, поскольку не знал причины срочного вызова. И хорошо, что не взял. Невозможно представить состояние матери, ребёнок которой из-за какого-то там парадокса вырос без её участия. Я опять завёлся, и логика начала отступать под напором эмоций. Захотелось всё бросить и сразу отправиться к сыну. И дядьку Николая неплохо бы повидать. Да, и дедов тоже.

Между тем, Александр продолжал излагать, и мне ничего не оставалось делать, как спрягать чувства подальше и вернуться к непонятной и тревожной теме чужого вторжения. Для меня было совершенно понятно, что сам по себе факт пробоя реальности прямо или кос-

венно указывал на происки Великого Тёмного, вернее Аттрактора, будь он трижды неладен, поскольку в основе феномена лежала реакция чёрных дыр. А это означало, что перерыв закончился, и судьба опять приглашает меня на арену, чтобы столкнуться с противником.

Прошедшие события и время сильно изменили меня. Появилась мощь и опыт обращения с силами природы. Поэтому противостояние с тёмным чудовищем меня не пугало, вернее, настораживало, поскольку в нём присутствовало одно «но»: в этой схватке под удар попадала хрупкая и прекрасная планета Земля с абсолютно беззащитным человечеством. И, поскольку я совсем не хотел, чтобы она превратилась в мёртвый каменный шар, то должен был разыграть этот заключительный акт, как по нотам.

— ...а потому нельзя поднимать тревогу. Только паники нам не хватало, — закончил Александр и откинулся на спинку кресла, положив сжатые кулаки на подлокотники.

Страхнув оцепенение, я допил остывший чай, поставил чашку на низкий столик и поднялся. Александр тоже встал и взглянул на меня усталыми покрасневшими от бессонницы глазами. Я знал, чего он от меня ждёт, поэтому дружески хлопнул его по плечу и спокойно сказал:

— Тревогу и впрямь поднимать не следует, но всё равно круги хранителей нужно поставить в известность. Работайте соборно осмысленно и без суеты. Конечно, опасность существует, и, возможно, опасность серьёзная, но до смерти ещё надо дожить. Сейчас прежде всего, нужна точная и достоверная информация. Все события всегда оставляют след, а глобальные — тем более. Подключи к расследованию все ресурсы. Пусть аналитики ногами роют землю, сопоставляют и увязывают все случаи и факты, даже самые незначительные и несопоставимые. Важна каждая мелочь и каждая гипотеза. Со своей стороны, я тоже займусь этим вопросом. Сейчас я смотаюсь в Москву к сыну, затем в Иерусалим к дядьке Николаю, и неплохо бы заскочить к дедам на Дон...

— Нет больше дедов.

— Что-о?!!

— Пропали в прошлом году, — пробормотал он скороговоркой, — вернее исчезли как-то странно. Там толи пожар случился, толи оползень. Тела не нашли.

Сердце защемило. Крепко сжав кулаки, я замер, охватив внутренним взором нужное пространство. Моё изменённое сознание мгновенно просканировало район села, где жили деды, и сразу же выявило точку аномального искажения пространства и спирального завихрения времени.

— Год назад, говоришь? — процедил я сквозь зубы, сдерживая раздражение, — А, в твою умную голову не пришла мысль, что это произошло неспроста. И ведь для этого требовалось лишь сложить один и один. Смотри! — я передал Александру картинку аномалии.

— Боже мой! — он изменился в лице, побледнел и выпучил глаза, — так это же... червоточина! Я... Я немедленно... — он заметался, и я поймал его за плечо.

— Остынь, — я сердито кашлянул в кулак. — Теперь — это моё дело.

Он закусил нижнюю губу и нервно кивнул. По его бледному лицу градом катил пот. Последняя новость не то, чтобы потрясла меня, но сильно опечалила. Деды Семён и Пахом, старые хранители портала стали мне близкими и дорогими людьми. И не только потому, что были дедами моей любимой Елены, а родными по духу и душе. Подавив в себе первый импульс немедленно во всём разобраться, я заставил себя успокоиться, чтобы подойти к запутанному делу хладнокровно. Распровавшись с Александром, я вышел на улицу.

Жаркий ветерок, напоенный пряными и дурманящими запахами южных растений, взъерошил мои волосы, а яркое итальянское солнце заставило зажмуриться. Я потерял нос, громко чихнул и улыбнулся, глядя, как засмеялись, указывая на меня пальцами, местные мальчишки. Не удержались от восклицаний и проходящие мимо римляне. Оглядывая меня с головы до ног, они откровенно глазели на странного чужака, одетого в старомодные

джинсы, хлопчатую рубашу в клетку и светлые кроссовки, которые вызывающе отличались от их лёгких просторных шорт, широких шляп, ярких туник и сандалий.

Не обращая внимания на зевак, я присел и погладил плиты древней мостовой, физически ощущая суровый дух истории, насквозь пропитавший здешние камни. Я слушал немой голос римской земли, грезящей снами героического прошлого и тревожными видениями грядущего. Отряхнув колено, я поднялся и неспешно побрёл мимо старинных фасадов Вечного города. Рассеянно скользя взглядом по притаившимся под черепичными крышами домам, я погрузился в раздумье, и мысль, словно инструмент ваятеля, начала отсека́ть от глыбы свалившихся на меня сведений всё лишнее.

С того момента, когда я, простой московский врач попал в невероятную круговерть событий, прошло более двадцати лет земного времени, и я уже с трудом вспоминал ту реальность, из которой вышел. Трижды изменившийся мир, спасённый от притязаний космического монстра, оказался не таким уж плохим. Я невольно сравнивал земную жизнь с обитанием в ином пространстве, и честно признал, что здесь всё-таки лучше.

Вы спросите, что это за иное пространство?

То ли по нашему хотению, то ли по высшей воле, невообразимый вираж судьбы забросил нас с Еленой в такие дальние дали, в такие бесконечные бесконечности, что и помыслить трудно. Получив абсолютную свободу, мы получили возможность создать свой собственный мир. И хотя жизнь во вселенной идёт по особым и строгим законам, мы сразу и решительно их нарушили, отказавшись расставаться со своей человеческой сущностью. И именно поэтому наш новый дом мы сотворили посреди прекрасной земной природы. Безусловно, я имею в виду виртуальные образы, но изначальная сущность пространственной матрицы, которую заложила наша пара, подразумевала именно земную модель.

Вы ничего не поняли? Тогда всё по порядку.

При помощи Великих Творцов мы с Еленой обосновались на далёкой и пустынной окраине пространства. Не удивляйтесь, но со стороны мы выглядели, как кружащие вместе огромные светимости, в которых обитал наш разум и наши личности. Таковы, извините, законы космоса. Но, сказать по правде, нам с Еленой на это было наплевать, ведь мы ощущали себя в своём привычном виде.

В созданном нами мире высшим законом являлась наша воля, преобразующая материю в соответствии с нашими представлениями о красоте и понятиями добра и зла. Население нашего мира пока было невелико: я да Елена, но со временем мы планировали поселить там новых жителей. По законам вселенной, как и все иные Творцы, мы имели возможность переместить к себе любые, пожелавшие это сделать личности, наделяя их соответствующими свойствами. Мечтая об этом, мы планировали в первую очередь переселить всех родных, близких и знакомых. Я не люблю слово смерть, скажем так: после окончания земного цикла существования. А заодно, я хотел вытянуть из небытия и своих тиаматианских друзей. Короче говоря, мы с Еленой начали создавать абсолютно новый мир, самый прекрасный и самый справедливый во вселенной.

За те двадцать дней, что мы обживали новое пространство, к нам на огонёк не раз заглядывали мои покровители и наставники, которых я называл Великими Творцами. В нашем с Еленой мире они выглядели, как благородная пара, чем-то похожая на англичан викторианской эпохи. Они оказались на редкость добрыми и порядочными личностями и проявили к нам самое искреннее расположение.

Наш «медовый месяц» протекал бурно и пролетел быстро. И, когда во мне зазвучал зов Александра, я удивился тому, что за такой малый срок на Земле умудрились что-то напутать. Моё возвращение и обрадовало, и ошеломило.

Сказать, что известие о прошедших на Земле двадцати годах меня потрясло – ничего не сказать. Представьте, что, отправившись в отпуск, вы оставили полуторогового сына на

попечение родителей, а, вернувшись, вместо малыша встретили двадцатидвухлетнего парня. Хорошо, что здесь нет Елены, иначе мне бы точно досталось по первое число. Подумать только, ребёнок вырос сиротой при живых родителях. Несусветная бредятина! Я опять начал злиться, но мысленно себя одёрнул, поскольку сейчас, как никогда, от меня требовалось самообладание.

Прогнав со спины сердитый холодок, я сосредоточился и вернулся к размышлениям о непонятных и бедовых событиях. Прокрутив в голове и сопоставив факты, я пришёл к выводу, что причинно-следственные линии прямо или косвенно замыкаются на меня. Великому Аттрактору зачем-то потребовалось моё присутствие на Земле. В чём, в чём, а в логике ему нельзя отказать. Прошлый раз он, самоуверенно попытался атаковать нахрапом, с кондачка, и обломал зубы. Уверен, что таких ошибок Тёмный больше не допустит. Похоже, что сейчас он избрал тактику загонной охоты, начав с постепенного нагнетания обстановки и воздействия на моё ближайшее окружение. Для начала он решил вывести меня из равновесия и спровоцировать на необдуманные действия, и почти не ошибся. Исчезновение дедов сильно меня зацепило, и ещё больше встревожило понимание величины опасности, которой подвергаются все мои близкие. Меня так и подмывало броситься в драку, но здравый смысл и... странное ощущение, что деды живы, удержали от поспешных шагов.

Я отчётливо понимал, что хитрый тёмный хищник, ненавидящий весь мир, опять вышел на охоту. Однако я ни на секунду не мог допустить даже мысли о том, что она станет удачной. Я знал, борьба потребует жертв, но надеялся, что не придётся заплатить слишком высокую цену. Ну, что же, чёрная тварь, посмотрим кто кого. Как ты, туда и тебя.

Очнувшись от размышлений, я обнаружил себя стоящим на самом солнцепёке на римском Форуме под высоким ярко-синим небом Италии. Облизнув пересохшие губы, я окинул взглядом Вечный город, зажмурился и открыл глаза, уже стоя на Тверской-Ямской улице Москвы.

Глава 2

Ещё недавно я искренне удивлялся своей способности переноситься в любую точку пространства, или по-научному – телепортироваться. Теперь это занятие стало делом привычным, обыденным и полностью заменило транспорт, хотя крепко засевшая во мне сущность Антона Латова каждый раз восторженно удивлялась подобным фокусам.

Стоя на родной московской земле, я широко улыбнулся и лениво с хрустом потянулся, наслаждаясь непередаваемым ощущением, будто проснулся в воскресенье в собственной постели.

На мой взгляд, Москва изменилась в лучшую сторону. Город стал живым и свежим, во всяком случае, в том уголке, где я оказался. Вокруг стилизованных под старину домов зеленели ухоженные деревья, между которыми в обрамлении стриженных кустарников пестрели весёлые цветники. Справа виднелась уходящая вдаль аллея и каскад небольших прудов с ниспадающим по замшелым камням искусственным водопадом. К воде склонились несколько ив, в тени которых на поверхности играли солнечные зайчики. Среди зелени бегали дети, и, что меня поразило больше всего, со стороны аллеи доносился весёлый птичий щебет. По тихому шуршанию редких машин на параллельной дороге, я догадался, что это электромобили, а внутренние улочки, насколько я понял, целиком и полностью принадлежали пешеходам, роллерам и велосипедистам. Несмотря на летний зной, воздух отличался необычной для Москвы чистотой и непривычной для моего носа смесью цветочных ароматов. Город стал другим, но каким-то непостижимым образом сохранил свой неповторимый облик и душу.

Я стоял на пешеходной дорожке, наслаждался видом, попутно замечая удивлённые взгляды прохожих. Привычная для меня одежда явно не вписывалась и в стандарты здешней моды, поскольку москвичи, как и римляне, летом стали одеваться просто и удобно в широкую лёгкую одежду ярких цветов. Мои длинные волосы и борода тоже сильно отличались от коротко стриженного местного населения, головы которого прикрывали от солнца мягкие и весёлые шапки и шляпы. Да, время неумолимо, а двадцать лет для большого города – целая эпоха.

Оглядевшись, я, не спеша, направился к дому родителей Елены, к тому самому дому, который сгорел в день нашего возвращения. Теперь его отстроили заново, и, хотя он щеголял старинным фасадом, но имел все признаки типичного жилья первой половины двадцать первого века.

Просканировав здание, я обнаружил следы обитания нужных мне людей в среднем подъезде на третьем этаже. Я шагнул в тёмный проём и сразу же оказался на движущейся лестнице, которая, дважды повернув, вынесла меня к площадке с единственной дверью под номером семь. В ответ на звонок в двери распахнулся небольшой экран, в котором появилась голова пожилой женщины. У меня сжалось сердце, когда я узнал сильно постаревшую мать Елены.

– Ольга Ивановна, гостей принимаете?

– Я никого... не... Антон?... Антон, это ты?

– Точно. Это я, ваш блудный зять завернул на огонёк.

– Господи! Радость, то какая! Заходи скорее.

Дверь щёлкнула и втянулась в стену. В прихожей, прижав руки к груди, стояла стройная пожилая женщина с седыми волосами, собранными в аккуратную причёску, и глядела на меня огромными выразительными глазами. Глазами моей Елены. Я склонился и поцеловал морщинистые руки. В ответ она украдкой смахнула покотившуюся по щеке слезу, поцеловала меня в макушку и мелко перекрестила.

– А, мы-то уж и не надеялись, – выдавила она из себя горькую улыбку, – Николай и Александр нам всё объясняли. Правда, мы с отцом мало что поняли, подумали, они нас жалеют

и рассказывают небылицы. Уж больно опасными делами вы занимались, – улыбка потускнела и угасла, – а вон как оно вышло. А где же Леночка? – она легонько проскользнула мимо и выглянула в дверь, оглянулась и вопросительно посмотрела на меня снизу-вверх.

– Милая Ольга Ивановна, Елена не смогла приехать. Она очень занята по дому, – сказал я чистую правду, – но при малейшей возможности она обязательно навещает.

Я не стал уточнять истинные причины отсутствия Елены. Посудите сами, не мог же я объяснить пожилой женщине всю нашу космическую белиберду.

– Ольга Ивановна, а где все домашние? На Вовку хочется посмотреть, последний раз видел его в полтора годика.

– Фёдор в санатории решил подлечиться. А на Владимира что смотреть, – она лукаво улыбнулась, – посмотри в зеркало, и увидишь. Точно твоя копия. Ты-то вон совсем не изменился, скоро вы и вовсе обликом сравняетесь. Сегодня у него утренний семинар. Сейчас должен вернуться.

– Ольга Ивановна, расскажите о нём, по сути, я ведь его и не знаю.

– Володя удивительный парень, – тёща рассказывала, а сама споро собирала на стол, и, глядя на неё, я улыбнулся, вспоминая, как это делает моя Елена. – В два годика он начал читать детские книжки, в четыре бегло читал взрослые. Нам с дедом ничего не пришлось ему объяснять, не нужно было. Ну, а по житейским мелочам, рыбалка, футбол, соорудить что-то, тут уж Фёдор постарался. Но настоящего мужчину из него воспитал твой дядька, или «дедушка Коля», как его называет Владимир. Конечно, у Николая полно важных дел, но он всегда находил время для внука. Я ему так благодарна. Владимир блестяще окончил школу в четырнадцать лет, причём по росту, силе и навыкам он значительно превосходил своих взрослых одноклассников. Лентяй, конечно, изрядный и хитрец, но парень замечательный. Окончил институт астрофизики, и серьёзно увлёкся какими-то космическими феноменами. Деталей не знаю. Придёт, сам расскажет. О вас с Еленой ему многое известно, но, естественно, не всё. Эта тема у нас всегда считалась нежелательной, ведь мы и сами ничего толком не понимаем. Не знаю, что ему рассказывал Николай. Владимир вас очень любит, гордится и ждёт...

Тут щёлкнула дверь, и размеренный покой дома разорвал звучный молодой голос:

– Ба, я пришёл.

– Кстати, вот и он, – Ольга Ивановна кивнула головой и засеменила к дверям.

Сердце дало сбой. В сильном волнении я встал у стола, испытывая щемящие угрызения совести. Конечно, нет нашей вины в том, что мой мальчик вырос, не зная родительской ласки, ведь мы сами стали жертвами парадокса времени. Двадцать дней там и двадцать лет здесь. Мне по-прежнему тридцать три, а сыну уже двадцать два. В глотке защемило. Судорожно проглотив комочек, я глубоко вздохнул, и через мгновение в проёме двери увидел молодого сильного парня двух метров ростом, широкоплечего, с длинными светлыми волосами, небольшой бородкой и усами. Он внимательно и изумлённо смотрел на меня, машинально укладывая ключи и сумку на столик. Потом на его лице изменилось выражение, глаза распахнулись, и в них промелькнула догадка.

– Отец?.. Вы мой отец? Антон Владимирович?.. Это вы?

Я приблизился к нему и нежно обнял за плечи. Терпеть не могу, когда мужики плачут, но слёзы как-то сами потекли по щекам. Володька прижался ко мне, и со стороны, наверно, было странно видеть двух обнявшихся бородатых мужчин. Владимир поднял полные слёз глаза, долго и внимательно всматривался в моё лицо, потом схватил за руку и потащил в свою комнату.

Мы проговорили до утра, прикончив большую банку кофе. Стараниями дядьки Владимир знал о нас с Еленой почти всё, кроме нашего существования в ином пространстве. Сын много расспрашивал о матери и о нашем новом доме. Я честно сказал ему, что мой опыт жизни в качестве космической личности невелик, что наше пространство только обживается, вернее,

создаётся, поскольку сейчас из него можно сделать всё, что угодно. Эта информация сильно заинтересовала Владимира, и он осторожно спросил, как там побывать. Я не стал кокетничать и врать, ведь в иное пространство можно попасть раз и навсегда. Мы с Еленой не в счёт, поскольку являемся Творцами нового мира, который суть мы сами. Парень ненадолго задумался, усмехнулся, поправил волосы и сказал, что подождёт пока расставаться с этим привычным миром. Я согласился, в душе испытал облегчение от такого решения парня, у которого жизнь только началась, и ожидало немало новых ощущений и открытий.

Посмотрев на Владимира оценивающе, я подумал, что мой сын должен знать всё, мысленно махнул рукой и коротко рассказал об угрозах, нависших над Землёй.

– Сейчас, возможно, в последний раз Земля балансирует на грани жизни и смерти, и вопрос стоит предельно просто: быть ей или нет. Великий Тёмный вновь заявил о себе, а значит, он не остановится, пока не добьётся своего. Если его не остановить. Впереди очень непростые времена, сын. Я не знаю, как всё сложится, но чувствую, что и ты не останешься в стороне. Что ты обо всём этом думаешь?

На его лице не дрогнул ни один мускул, он немного промедлил и осторожно увёл разговор в сторону:

– Не знаю. Всё это как-то неожиданно. Особенно сейчас, когда меня по-настоящему захватила необыкновенно интересная тема. Понимаешь, отец, около года назад в направлении созвездия Наугольника, что в Южном полушарии был открыт непонятный феномен. Недавно астрономическое сообщество признало его, назвав «звёздным вальсом». Суть его состоит в том, что в узком секторе вместо обычного мерцания звёзды смещаются на заметный угол, описывают дугу и снова возвращаются на место. Этот процесс псевдохаотичный и пока не поддаётся вычислению.

Пока Владимир увлечённо говорил, я, сидя в кресле любовался им. Но, когда он начал говорить о «звёздном вальсе», я тут же смекнул, что это вовсе не пустяк и не плод воображения восторженного парня, а порождение неких сил. Переключив сознание, я сделал запрос в информполе и получил ответ о настоящем состоянии пространства в секторе Ориона.

На удалении примерно семидесяти миллионов парсеков обосновалось множество анти-объектов, проще говоря, чёрных дыр, ведущих себя весьма необычно. Они придерживались большой тёмной зоны, описывая около неё сложные траектории в виде двух конусов. В той тёмной зоне я сразу узнал своего заклятого противника. На этот раз Аттрактор вёл себя очень странно. Его сопровождали тысячи сателлитов. И именно те вращающиеся по сложным орбитам чёрные дыры, отклоняя проходящий свет, создавали оптический эффект «звёздного вальса».

Когда я рассказал об этом Владимиру, у него буквально отвисла челюсть. Он вскочил, забегал по комнате, включил компьютер, схватил телефон, раздумал, ненадолго замер и опять сел напротив меня. Его распирало любопытство, и в его горящих от нетерпения глазах я насчитал не менее десятка вопросов. Он уже открыл рот, но я оборвал его жестом и закончил:

– Мне очень не хочется тебя огорчать, сын. Но Нобелевской премии ты не получишь. Не успеешь. Запомни крепко-накрепко, очень скоро может случиться такое, что не будет ни Нобелевского комитета, ни самой Земли. То, что ты так долго наблюдал – это внешние эффекты присутствия того самого Великого Тёмного Аттрактора, который не просто один из космических объектов, а очень древняя и смертельно опасная личность. Повторяю, личность! Со всеми присущими ей страстями устремлениями и мотивациями. Великий Тёмный живёт намного дольше, чем наша Солнечная система. Беспощадный враг любой жизни, он собирает свой страшный урожай в этой части вселенной. Я вынужден с ним бороться по воле судьбы. И я нипочём бы этого не делал, если бы он не пытался раз за разом уничтожить Землю. Понимаешь, у-ни-что-жить! Совсем. Я не знаю, как далеко он зайдёт на этот раз, но для него сожрать

Солнечную систему, всё равно, что слизнуть варенье из чайной ложки. Попробуй абстрагироваться и, как астрофизик, представь масштаб грядущей опасности.

Я поднялся и подошёл к открытому окну, за которым в тихом зелёном дворике в лучах утреннего солнца резвились дети. Услышав за плечом дыхание, я обернулся и увидел Владимира, закусившего большой палец правой руки и хмуро смотрящего на ребячью возню. Я кашлянул в кулак, потрепал сына по плечу и немного понизил градус эмоций, сказав, как можно более оптимистично:

– Не бойсь, Вовка, прорвёмся. Я всякого навидался, и не в таких передрягах бывал. Слушай команду. Дуй к своему начальнику, наплети ему что хочешь, но сегодня же возьми отпуск за свой счёт. В полдень отправляемся на Дон к дедам.

– Но они...

– Вот и разберёмся. Всё ступай, а мне ещё нужно встретиться с дядькой Николаем.

Возбуждённый новостями и окрылённый неожиданным поворотом событий Владимир побежал оформлять отпуск, а я распрощался с Ольгой Ивановной. Не желая её пугать, я не стал телепортироваться из квартиры и спустился этажом ниже.

Глава 3

В Иерусалиме солнце ещё сильнее, чем в Риме, припекло плечи и голову, заставив меня вспомнить давние приключения в Африке. Стоя вблизи спасительных фонтанов, я окинул взглядом многолюдную площадь. С обеих сторон её охватывали двумя полукольцами колоннады белых дворцов, в середине которых взметнулись к небу стрельчатые башни. Странно. Я ожидал увидеть старинные иерусалимские кварталы, Стену плача, Храмовую гору и что-то в этом духе, а оказался в суперсовременном городском центре.

Настроившись на ауру дядьки, я обнаружил его в правом дворцовом комплексе, на фасаде которого поблёскивало на солнце изображение круга земного шара с поддерживающими его руками. Символика более чем понятная.

В просторном холле два охранника в светлых костюмах лишь спросили, что меня интересует, и подсказали, как добраться до кабинета Верховного Советника Николая. Здание Совета явно строилось по технологиям соцещитов, поскольку круглая транспортная капсула, двигаясь по сложной траектории, доставила меня к дверям приёмной.

– Ваше имя и причина визита, – проговорил голос электронного секретаря. Я ухмыльнулся. Всё правильно, бюрократия неизбежна даже в совершенном обществе.

– Антон Латов. Желаю встретиться с Николаем Латовым.

Буквально через десяток секунд дверь приёмной с грохотом распахнулась, и в проёме появился взъерошенный дядька собственной персоной. Казалось, время не коснулось его.

– Антон!! Иди сюда, пропащая душа! – радостно заорал он густым баритоном, глядя на меня с искренним обожанием и со своей неизменной ироничностью. – Дай на тебя посмотреть. Ай-я-яй, разбойник, как же ты мог так надолго оставить своего любимого дядюшку? Хорош, нечего сказать. Всё такой же, не изменился. В нашу породу. Истинный соцещит. Молодец!

Он тискал, вертел, охлопывал меня и от души радовался встрече. Мой суровый дядька по-настоящему любил меня.

– Всё, всё, совсем затерзал. Здравствуй, дядь Коль. Сегодня утром прибыл в Рим, заскочил в Москву и сразу к тебе.

Дядька затащил меня в апартаменты, усадил в кресло и достал бутылку вина. Наполнив высокие бокалы, он начал рассказ о новой и счастливой жизни планеты, которая впервые за всю свою историю получила шанс свободно жить и развиваться. Безусловно, проблем было не счесть, да, и общественные пороки доставляли немало хлопот, но в целом человечество выбрало путь прогресса. Небывальными темпами развивался спорт, который во многом сглаживал естественную человеческую агрессию, и теперь вместо стрельбы и взрывов на планете звучали громкие крики болельщиков. Каждый год чередовались летние и зимние Олимпиады, собирая весь мир у телеэкранов. Осваивались океаны и пустыни. Строились базы на Луне и Марсе. Планировались экспедиции на спутники Юпитера Каллисто и Ио. Удивительно, но каждому из десяти миллиардов землян нашлось нужное и интересное дело и место под солнцем.

Я слушал дядьку Николая, и меня невольно переполняла гордость за человечество. Однако постепенно разговор переключился на события, которые меня тревожили более всего. Сообщение об истинной причине исчезновения дедов сильно расстроило дядьку. На его лице проступила тень тревоги, пристальные глаза похолодели, и он укоризненно покачал головой. Тяжело поднявшись, он прошёлся по кабинету, остановился у огромной карты мира, и, не оборачиваясь, глухо проговорил:

– Ты полагаешь, что всё началось опять?

– Похоже на то, – я подошёл к нему, положил руку на плечо и тоже принялся рассматривать карту. Потом, взяв дядьку Николая под руку, я вышел на широкий балкон, с которого хорошо просматривалась центральная площадь. Мимо фонтанов и монументов бродили тури-

сты, на парашюте сидели молодые парочки, родители с детьми кормили голубей, а чуть дальше мальчишки катались на каких-то роликовых устройствах. – Думаю, что пришло время последней схватки.

– Ты поэтому здесь? – он кинул на меня пристальный взгляд.

– Не знаю. Пока вопросов больше, чем ответов. Я полагаю, пороть горячку не стоит, но окончательного выяснения отношений с Великим Аттрактором мне не избежать.

Словно в подтверждении моих слов в кабинете коммуникатор издал мелодичный звук и включился экран терминала связи. После короткого разговора дядька вернулся сильно встревоженным:

– В южных пригородах Константинополя после сильного взрыва возникла воронка, в которой исчезла часть местности с домами и людьми, потом сильный вихрь выбросил странную технику и людей в боевом облачении и с оружием. Некоторые из них погибли при выбросе, остальные укрепились в ближайшей вилле и ведут себя очень агрессивно. Есть жертвы.

Я взглянул дядьке в глаза и как можно спокойнее проговорил:

– Похоже, пора и мне вмешаться. В целом я знаю, что происходит, но нужно уточнить детали.

– Ну, коли знаешь, так хоть намекни, – в голосе дядьки Николая зазвучала сталь.

– Ответ кроется в причине этих явлений. А главное, нужно искать механизм переноса антиобъектов. Времени у нас почти нет. Масштаб вмешательства растёт, а, значит, атаку с катастрофическими последствиями можно ждать где угодно и когда угодно. Этого допустить нельзя. Срочно созывай хранителей и мобилизуй службы безопасности. Но, ни в коем случае не допусти паники. Александр уже занимается этим вопросом. Свяжись с ним. Сейчас я отправлюсь в Константинополь, затем в Москву. Надеюсь, скоро увидимся.

Прикрыв глаза, я сместился в район Константинополя в район последнего события. На городской окраине, среди субтропической растительности вдоль старой византийской дороги протянулась цепочка уютных домиков, прижавшихся к каменистому склону. Поднявшееся солнце поблёскивало в волнах недалёкого моря, синеего за полосой зелени. Оттуда налетал лёгкий ветерок, несущий неповторимый запах солёной воды. Вдаль убегали холмы с колоннами кипарисов, оливковыми рощицами и ровными рядами виноградников на южных склонах. Вдали в дрожащей дымке испарений виднелись очертания большого города.

Но не эта идиллическая картина привлекла моё внимание, а расположенная поодаль огромная круглая воронка, разорвавшая дорогу посередине. Размер канавы впечатлял, будто кто-то огромный одним укусом выгрыз клочок земли полсотни метров в диаметре. Края этой воронки имели идеально ровную блестящую поверхность и достигали развалин древней виллы. Из античных руин доносились редкие шипящие хлопки и изредка с коротким звуком «дтум!» мелькали синеватые вспышки.

Я оказался в самой гуще галдящих местных жителей, столпившихся возле полицейских машин. Ближе к воронке стоял армейский броневик, и в отдалении кружили два вертолёт. Рядом со мной спорили пожилые византийцы. Они оживлённо жестикулировали и громко говорили, иногда переходя на крик.

– ...как корова языком слизнула. О чём ты говоришь? Половина улицы исчезла! Какой такой взрыв? Ты что, совсем ослеп?! Во-он мой дом рядом. Смотри сюда, – усатый седой мужчина ткнул пальцем в хорошо видимый издали невысокий каменный забор, половину которого стесало будто фрезой, – какой, к дьяволу, это взрыв?

– Может землетрясение?

– Э-э-э, похоже, ты совсем из ума выжил. Здесь трясло, а здесь – нет, что ли?

Я внимательно разглядывал траншею, и всё больше осознавал, какая беда нависла над Землёй.

– А, ну-ка, все назад! – надвинулся высокий хмурый полицейский, – вы, что не видите, террористы стреляют? Уже пять человек погибли. Марш отсюда!

В подтверждение его слов по глазам чиркнула неяркая вспышка, раздался короткий удар «дтум!» и в старом камне ближайшего дома появилась круглая дыра размером с апельсин. Все зеваки попадали и забились в сточную канавку под оградой. Следующие попадания снесли крышу полицейской машины и убили наповал неосторожного патрульного, отшвырнув его на десяток метров.

Перепуганные до смерти зеваки и полицейские буквально вжались в каменистую землю. Я воспользовался моментом и, скрываясь за оградой, осторожно двинулся в сторону древних руин, чтобы получше разглядеть чужаков.

У стрелков оказался довольно странный вид: высокие фигуры, затянутые в доспехи необычной формы. Их облачение представляло собой сложное переплетение пластин и гофры. Поверх укрывающих шею и плечи широких пластин я заметил двойное кольцо, по которому перемещались два согнутых ребром щитка, прикрывающие корпус до паха. Головы странных вояк прикрывали гладкие приплюснутые шлемы с глухими лицевыми щитками. В целом облик незнакомцев был весьма чужд, но их излучение имело вполне человеческий спектр.

Закачав в биополе приличную порцию энергии, я свернул её в кокон, создав защитную броню, и направился к стреляющим руинам.

– Стой! Идиот! Назад! – раздалось за спиной несколько голосов и сразу смолкли.

На дистанции в полсотни метров в меня попали первые заряды, полыхнувшие на границе защиты синеватыми вспышками, отчего в лицо пахнуло теплом. Ещё через десяток шагов попадания стали непрерывными.

Приблизившись к враждебным чужакам, я остановился и поднял руки. Стрельба прекратилась, и они показались из-за укрытий, что позволило мне их пересчитать. Двадцать шесть. За тёмными забралами я не видел лиц, но красно-оранжевые оттенки их излучения говорили о том, что они потрясены моей неуязвимостью.

– Кто вы, и почему напали на мирных жителей? – спросил я по-русски.

Закованные в пластинчатую броню фигуры зашевелились, некоторые приблизились, нацелив оружие. Я повторил вопрос на арабском, английском, итальянском и немецком языках. И тогда заговорил один из незнакомцев. Слова на незнакомом языке звучали странно, но я его понял. Он говорил на невероятно искажённой смеси немецкого, французского и итальянского языков.

– Мы гвардия сената. А ты почему стоишь перед нами, а не ползаешь на коленях? Отвечай немедленно!

– А, ну-ка, сбавь тон, гвардеец, и спесь поубавь.

– Что ты сказал, животное? Как смеешь ты так разговаривать, скотина! Да, я тебя распылю! Отвечай быстро, кто ты такой?!

– Для глухих и тупых повторяю, сбавь гонор, иначе разговаривать не буду и накажу.

– Ах, ты мразь!! – взревел гвардеец и достал из-за спины какое-то устройство похожее на длинный пенал с боковыми прорезями, на конце которого темнело большое отверстие. Гвардеец вскинул оружие, и вокруг меня на миг полыхнул яркий свет, затем чуть потемнело, и исчез воздух. Этот чудака применил что-то вроде аннигилятора, уничтожающего вещество и превращающего его в свет. В принципе сильная штукавина. Моя защита возбудилась и засветилась всеми цветами радуги.

Я спокойно стоял, засунув руки в карманы, дожидаясь, когда до этих забияк дойдёт, что их оружие бесполезно. Заодно я соображал, что вообще с ними делать, коль они совсем не понимают нормального обращения.

– Слушайте меня внимательно. Только что вы пытались меня уничтожить из своего самого мощного оружия. Как видите, я цел и невредим. Запомните, ни один из смертных не

имеет права так со мной разговаривать. Я не знаю, из какой дыры вас выбросило, но, если вы немедленно не одумаетесь, я вас накажу. А теперь опустите оружие и откройте лица. А ты, – я выделил из толпы командира и ткнул в него пальцем, – подойди ближе и отвечай.

Ошеломлённые гвардейцы приблизились и столпились напротив. По команде старшего они подняли забрала, под которыми оказались обычные человеческие лица. Командир выступил вперёд и снял шлем, обнажив лысую голову с задорным хохолком на макушке, который совсем не монтировался со зловещей физиономией и волчьим взглядом исподлобья.

– Почему вы открыли стрельбу?

– Но... Вокруг полно дикарей. Мы имеем право...

– Стоп! Отвечайте, какой сейчас год?

– Две тысячи восемьсот пятьдесят четвёртый.

– В какой стране вы живёте?

– В Империи.

– Какие страны с вами граничат?

– В мире только Империя и Дикие земли.

– Где иные государства?

– Нет никаких других государств. Что-то такое было восемь столетий назад, но всё изменилось после катастрофы.

– Кто правит в Империи?

– Великий Принципс, но его никто не видел, и от его имени повелевает Тайный Совет.

А законы в Цурхе принимает сенат.

– Что такое Цурх?

– Столица Империи.

– Где он расположен?

– В долине Центральных гор, где же ещё?

– Что значит, Дикие земли?

– Все остальные земли, населённые дикарями. Мы имеем право их убивать, ловить и доставлять для работ в рудники, карьеры и заводы.

– Как вы здесь оказались?

– Причина неизвестна. Наш отряд находился в районе пролива и охотился на дикарей. По данным разведки, здесь обитает большая стая. Едва мы переправились, разразилась странная гроза, потом поднялся вихрь, из которого после короткой вспышки выбросило кучу камней, обломки каких-то хижин. Потом нас завертело, и мы оказались в этом непонятном месте. Шесть бойцов сразу погибли. Нас окружило множество дикарей, мы заняли оборону и пытаемся связаться с командованием.

– Значит, вы – охотники на людей...

– На дикарей, – презрительно фыркнул он и ощерился, обнажив кривые зубы. За его спиной кто-то загыгикал, и раздались негромкие смешки.

Я задохнулся от возмущения, и моё лицо от бешенства налилось кровью, поскольку эти вояки окончательно вывели меня из себя. С большим трудом я подавил искушение немедленно стереть их в порошок.

– Зря ты не боишься за свои зубы. Я полагаю, сейчас вам всем станет не до смеха. А, ну-ка, сучьи дети, скидывайте доспехи и одежду!

– То есть, как? Нам запрещено во время операции. Мы гвардия... – физиономия командира стала превращаться в гипсовую маску, а задорный хохолок тихонько прижался к плечи. – Да, кто ты такой?!

– Предупреждаю последний раз, – рявкнул я, угрожающе выдвигая челюсть, – или раздавайтесь, или я вас уничтожу.

Гвардейцы глухо зароптали и уставились на начальника. Он немного помялся, махнул рукой и начал раздеваться. Следом за ним один за другим стали скидывать доспехи все гвардейцы. Вскоре на земле появились несколько куч снаряжения и одежды, а между ними топтались двадцать четыре долговязые фигуры в сером облегающем нижнем белье.

– Я, что непонятно сказал? Раздевайтесь догола и побыстрее!

От своего жалкого и убогого вида гвардейцы оказались на грани потрясения, а процедура полного заголения и вовсе погрузила их в полный нокаут, подтвердив старую истину, что у страха большие глаза и слабый мочевого пузырь. Они, как стадо баранов, сбились в кучу, бледные, согнувшиеся, жалкие.

– Командир, ко мне.

Закрывая руками свои причиндалы, приковылял лысый командир гвардейцев и, сгорбившись, встал напротив.

– Оглянись и посмотри на свою команду. Что видишь? – как можно спокойнее спросил я.

– Э-э... дика... очень похожи на дикарей. Но как же так? Мы же...

Меня терзало сильное желание их наказать, но я сдержался, умом понимая, что внутри каждого яблока есть свой огрызок, и судить волка за то, что он сожрал овцу, глупо. Такова природа и волков, и гвардейцев.

– Ты, действительно, видишь дикарей. Вы и есть самые настоящие дикари, а не те несчастные, что живут не на диких, а на Свободных, – я подчеркнул голосом, – Свободных Землях. А для общего развития скажу, что вы попали в то время и в тот мир, в котором все люди равны и не делятся на имперцев и дикарей. Волей-неволей вам придётся здесь жить, так что постарайтесь побыстрее стать людьми, а не сможете, отправитесь на необитаемые земли, чтобы избавить нормальных людей от таких идиотов, как вы.

Я обернулся, выхватил взглядом в стоявшей поодаль толпе хранителя и махнул ему рукой. Он осторожно приблизился и слегка поклонился кивком головы. Я ответил на приветствие и сразу перешёл к делу:

– Уважаемый хранитель, прошу тебя отправить этих людей в Рим к Верховному Хранителю Александру. Передай, что их направил Антон Латов. Они умеют говорить, и многое знают, сейчас эти сведения чрезвычайно важны. Прошу тебя обеспечить безопасность, и... приодень их, что ли.

Хранитель слушал меня и постепенно менялся в лице:

– Антон Латов... Избранный... Великий Творец! Не может быть!

– Может, может. Так как, насчёт моей просьбы?

– Да, да. Всё выполняю.

Я кивнул, закрыл глаза и открыл их, стоя на Тверской-Ямской у дома моего сына.

Глава 4

Время приближалось к полудню. Не успели мы с Ольгой Ивановной выпить по чашечке чая, как в квартиру шумно ввалился Вовка, взъерошенный и разгорячённый.

– Баушка, отец, это я. Всё в порядке, я в отпуске. Бессрочном. Как только профессору про тебя рассказал, он сам вытолкал меня вон, и взял слово, что я всё зарегистрирую и протоколирую. Чёрта лысого. Делать мне больше нечего. Да здравствует свобода! Когда отправляемся, бать?

– Прямо сейчас. Только сядь и перекуси поплотнее. Когда придётся есть следующий раз не знаю.

– Я не хо...

– Садись и обедай, – пристукнул я ладонью по столу, – иначе отправлюсь без тебя.

Владимир кивнул головой, уселся за стол и начал усердно уплетать приготовленный бабушкой обед. Ничего себе, «не хочу». Я улыбнулся, и, глядя на сына, слегка позавидовал его молодости. Проглотив еду, Владимир ухмыльнулся и нахально облизнул ложку. Я погрозил ему пальцем и махнул головой, приглашая выйти из-за стола.

– Ольга Владимировна, спасибо вам, – я слегка поклонился пожилой женщине, – За нас не переживайте. Всё будет хорошо. Вы же меня знаете.

– В том то и дело, что знаю, – вздохнула она, и краешком фартука промокнула глаза, – ступайте с богом.

Распрощавшись, мы вышли на лестничную площадку. Я взял Владимира за плечо и через миг мы уже стояли на дороге напротив ворот церкви Николая Угодника, что в селе Лошаки. Мгновенно оказавшись в новом месте, Владимир замер с широко открытыми глазами, не в силах скрыть удивление и восторг. Слегка встряхнув парня, я привёл его в чувство и спросил без тени иронии:

– Не правда ли, удобный способ перемещения?

– Ну, батя..., ты даёшь! Как такое... возможно?

– Не надо опережать события, сын. Если захочешь, ты и сам сможешь делать то, о чём и помыслить не мог. Ты по рождению обладаешь необычными способностями. Пока они тебе недоступны, но я могу их разбудить. И тогда ты встанешь на особый, опасный и трудный путь. Тогда ценой многих испытаний и страданий тебе откроются безграничные возможности, но назад дороги не будет. Ты сам вправе решать, измениться, или остаться таким, каков есть сейчас. Ты свободен, и я приму любой выбор.

– Как это остаться? Да, это ж немисливо. Нужно быть полным идиотом, чтобы отказаться от своей судьбы. Я хочу быть таким же, как ты и мама. Но... я ничего не понимаю. Прошу тебя, растолкуй...

– После, после. Сейчас мы с тобой отправимся к дому деда Семёна. Там кроется тайна, и нам предстоит её открыть. Пошли.

Мы шагнули на дорогу и по обочине направились в сторону околицы. На зеленом лужке справа паслась дюжина гнедых лошадей. Чуть дальше виднелась грубая изгородь, из-за которой доносился ядрёный аромат навоза. Обогнув заросший сиренью палисадник, мы вышли к крайним домам. Однако на месте дома деда Семёна мы наткнулись на глухое ограждение из волнистого серо-зелёного пластика. В поисках прохода я решил обогнуть забор, и сразу же за углом нос к носу столкнулся с тремя крепкими мужиками, одетыми в защитный камуфляж и шляпы. В их руках я заметил нагайки, а на поясах ещё какое-то снаряжение.

– Здорово живёте, господа хорошие. Что ищете? – проговорил один из них.

– И вам не хворать, стражники. Чего охраняете? – принял я манеру самоуверенных мужиков. Они переглянулись и разошлись пошире, напряжённо вглядываясь в нас с Вовкой.

– Невежливо не отвечать на вопрос, – насупился старшой, помахивая нагайкой.

– Ну-ну, не так грубо, ребята. Мы к своим родичам приехали. К дедам Семёну да Пахому, а тут забор. А у забора вы с хлыстиками, да с вопросиками. Теперь сами посудите, кто из нас невежа?

– Как это к дедам... А вы кто?

– Я их зять Антон Латов, а это их правнук Владимир.

– Вы... Избранный? Тот самый?.. Извините. Мы уходим.

– Нет, служивые. Так дело не пойдёт. Я думал, что бойцы Корпуса мне помогут, а вы «уходим».

– Простите. Приказывайте.

– Да, хватит вам. Расслабьтесь. Какие приказы. Пошли, покажете, что там случилось.

За оградой я увидел знакомый круглый гладкий «выгрыз» в земле, похожий на константинопольский. Ага. Значит, здесь тоже произошёл пробой реальности и переброс вещества между двумя временами. Я мерил шагами воронку и прикидывал, как всё это могло произойти.

В моей схватке с Великим Аттрактором червоточины в пространстве-времени появлялись случайно при сумбурном перемещении чёрных дыр. И всё это происходило в космической пустоте. Здесь же дефекты появляются на поверхности земли в веществе высокой плотности и в точно рассчитанном месте. Это совсем иной уровень воздействия на реальность, похожий на прицельную стрельбу.

Внимательно осматривая идеально гладкую поверхность огромной воронки, я отметил точность нанесения удара. В этой переделке выжить почти невозможно, однако меня по-прежнему не оставляло предчувствие, что деды не погибли. Пораскинув мозгами, я понял, что мои сомнения вполне обоснованы.

На самом деле, если в Константинополе пробой действительности забросил к нам людей из будущего, то почему точно такой же перенос не мог произойти наоборот? Стоп. Если это так, то где-то здесь должен находиться обратный выброс вещества. Я огляделся и шагнул в сторону крутого речного берега. Посмотрев вниз, я увидел завал из переломанных огромных деревьев, земли и обломков мела. Очень хорошо. Значит, там, куда унесло клочок здешней земли, растёт старый лес. Какой год называли гвардейцы? Кажется, две тысячи восемьсот пятьдесят четвёртый. Любопытная зацепочка.

У меня появился план. Но прежде предстояло решить судьбу Владимира. От этого зависело, буду я действовать один или вместе с сыном.

Я решил предложить ему пройти третье посвящение, без которого путь за Грань был невозможен. Парень имел достаточно сил, выносливости и разума, чтобы вступить на путь совершенствования. Лично мне пришлось пережить нечеловеческие испытания, после которых энергии Стихий стали мне доступны. Не желая подвергать сына подобным мучениям, я мог помочь ему и сгладить крайние перегрузки.

Всё бы ничего, но меня не оставляли противоречивые чувства, порождающие сомнения. Прежде всего, меня смущала вынужденная поспешность в этом серьёзнейшем, я бы сказал судьбоносном деле. Оно слишком ответственно, чтобы свершить его походя, между прочим. Торопливость снижала высокую значимость события, превращая в некую процедуру. Скажу откровенно, это меня не просто смущало, а слегка коробило. Но время и обстоятельства не оставили выбора, и, скрепя сердце, мне пришлось с этим смириться.

Я пытался уравновесить все «за» и «против», и при этом точно знал, что обстоятельства непреодолимой силы всё равно втянут нас в грядущие события. А раз так, то пусть Владимир имеет реальную возможность выжить и победить в борьбе за жизнь и свободу. Однако последнее слово оставалось за ним. Он, и только он мог решить, проходить посвящение, или нет.

Мы обошли стороной пустой и безжизненный дом деда Пахома, сиротливо стоящий на краю траншеи, и направились по тропинке вдоль крутого берега. В своих путешествиях я

видел немало удивительных чудес и красот, но всегда вспоминал здешнее бесконечное небо с завитушками облаков и трепещущим в вышине жаворонком, рассыпающим радостные трели. Порой я мучительно тосковал по золотому убранству полей, и бывали моменты, когда я полжизни мог отдать за дуновение ветерка, напоенного волшебным ароматом луговых цветов, за радужный трепет стрекозиных крыльев и за берёзовый шорох листьев. И теперь я всё это видел, слышал и ощущал, и хотел, чтобы сын навсегда впитал в себя дух родины.

По крутой тропинке мы с Владимиром спустились к воде, где я отыскал старое, вросшее в песок бревно, и шлёпнул по нему ладонью, приглашая его присесть. Пришло время для серьёзного разговора. Владимир должен знать всё. Под тихий плеск донской воды, шевелящей водоросли у кромки берега я начал свой рассказ и закончил под вечер. Вовка слушал, затаив дыхание, и я видел, как он искренне переживал и сочувствовал.

– Всё это я рассказал тебе для того, чтобы ты понял, что близится конец времён, и прямо спрашиваю: хочешь ли ты помочь мне, маме, деду Николаю, дяде Александру и миллионам наших единомышленников в борьбе за Землю? Подумай. Если ты скажешь «нет», для тебя ничего не изменится. Для меня и мамы тоже. Мы тебя любим, и будем любить всегда. Если ты скажешь «да», то изменится всё. Ты станешь одним из нас и встанешь на трудный и опасный, но достойный путь борьбы за добро, жизнь и счастливое будущее. Давеча ты уже ответил, и я услышал, но опять спрашиваю, поскольку от твоего ответа зависит, отправишься ли ты со мной в будущее, чтобы отыскать там пути решения нынешних проблем. Сейчас я пойду искупнусь, а ты подумай.

Я скинул одежду и с превеликим удовольствием вступил в воду, взглянул вниз на своё искажённое течением отражение, плеснул в него водой и кинулся в тугие донские струи. Река сразу узнала меня, ласково обняла и понесла, баюкая и слегка подталкивая в бока. Я плескался, стараясь не отплывать далеко, и река в этом месте перестала течь и начала медленно кружить. Уф-ф, хорошо! Красота!

Выбравшись на берег, я попрыгал на левой и на правой ноге, вытряхивая воду из ушей. Затем, не спеша, оделся и подсел к Владимиру, по-прежнему сидевшему на старом бревне и неподвижно смотревшему на водный простор.

– Что скажешь сын?

– Я говорю «да», отец. Почему-то я всегда знал, что этот день придёт. Может быть, поэтому меня тянуло в глубины вселенной.

– Хорошо. Только не надо так торжественно и драматично. Ты во всём останешься самим собой, и при этом поднимешься на другую ступень существования. Скажу откровенно, будет тяжело, но я тебе помогу. Мы не пойдём в зал Четырёх Стихий, я имею достаточно прав, чтобы познакомить тебя с Силами здесь. Крепись, я не знаю, как они примут тебя, а ты их. Это будет трудный экзамен, но запомни: всё в тебе.

– Я готов.

– Тогда начнём. Раздевайся догола.

По большому счёту, нарушив ритуал, я рисковал, но по праву Творца я мог импровизировать, а веские причины оправдывали риск.

Вибрации Металла, Огня, Воды и Земли зазвенели во мне словно величественный аккорд. Затем по моей воле пространство скрутилось в кокон, отсекая все иные энергии. Я сжал руку Владимира и направил на него первую Силу, окутавшую его зелёным свечением. Он вздрогнул всем телом, заскрежетал зубами, вскинул свободную руку, дёрнулся и затих, окутанный изумрудными всполохами.

Одна за другой силы Огня, Воды и Металла окружили моего парня багрянцем, лазурью и золотом. Берег, река, небо над нами исчезли, сменившись невероятным пространством без верха и низа, полыхающем всеми цветами радуги. Чувства достигли наивысшего накала. Я отпустил руку Владимира и отправил его в плавание по океану энергии Стихий. Я видел его

страдания от ярких и жутких видений и несколько раз порывался его поддержать, но вмешаться в таинство инициации невозможно, и мне оставалось только потихоньку уменьшать чрезмерные эффекты и сглаживать перегрузки.

Когда совсем обессиливший Владимир начал падать, я подхватил его на руки, уложил на тёплый песок и погрузил его в глубокий восстанавливающий сон. Он крепкий парень и полчаса ему вполне хватит для начальной перестройки. Но Вовка очнулся раньше и вопреки моим опасениям выглядел вполне прилично. И только взгляд приобрёл загадочную глубину и силу.

– Как ты?

– Бывало и лучше, – глухо проговорил он и растерянно огляделся, – чувствую себя, как человек, разобранный на молекулы и собранный заново. И жрать хочется, спасу нет.

– Знаю. Сейчас что-нибудь раздобудем из съестного. У стражей попросим, авось не откажут.

Мы забрались по обрыву наверх и на самой кромке столкнулись с тремя стражами. Они замерли в нелепых позах и глядели на нас, как на привидения.

– Эгей, воины, – окликнул я их, – отомрите. Что случилось, или привиделось что?

– Там... такое! Вы оба... в свете... цвете разным... потом всё исчезло... и вот опять.

– Очень содержательный рассказ, – я поскрёб бороду, и, взглянув на совсем ошалевших стражей, переключил тему, – братцы, нам бы срочно чего перекусить.

– Да, да! Пойдёмте с нами. У нас в палатке полно припасов.

Пройдя через утоптанную лужайку с остатками костра, мы подошли к просторной армейской палатке, пристроившейся прямо к ограждению. Внутри я увидел трёх отдыхающих мужиков в камуфляже и походную обстановку: стол, раскладные табуреты и кровати, большой ларь, тусклое освещение, а также рацию и пирамиду из трёх карабинов. Ребята щедро поделились с нами едой, которую с устрашающей скоростью начал уничтожать Владимир. Под восхищёнными взглядами стражей он опустошил большой котелок каши с тушенкой, жадно высосал три банки сгущёнки и смолотил каравай хлеба. Затем он выпил два литра воды и начал клевать носом. Я уложил сына на свободную раскладушку, снял обувь и укрыл одеялом. Он повернулся на бок и мгновенно заснул.

Вернувшись к столу, я принялся расспрашивать стражей о том, о сём, а в основном о том, что известно о здешнем происшествии.

– Мы толком не знаем. Здесь установлен пост из двух троек. Каждый месяц охрана меняется. Мы здесь около недели, и пока всё тихо. А, что касается подробностей, то болтают, что год назад здесь среди ночи произошёл какой-то странный взрыв, после которого исчез дом вместе с двором. Но по виду за забором вовсе не воронка от взрыва. Видел я их без счёта. Здесь от края ямы травка растёт, а поверхность траншеи, как от большого проходческого щита.

Я мотал всё на ус и посматривал на спящего Владимира. Однако пора и честь знать.

– Спасибо, ребята, вы нас здорово выручили. А теперь мы пойдём.

Под ошеломлёнными взглядами стражей я бережно подхватил сына на руки и осторожно вынес из палатки. День нехотя уступил место ночи. Солнце догорело за кромкой дальнего леса, оставив за собой багровый закат. Осмелев, из низин выполз туман, за которым подступили и сизые сумерки.

Я осторожно уложил Владимира на сено в подклети во дворе деда Пахома. Старое сено потемнело и слежалось, но было сухим и даже сохранило запах трав. Я с тревогой посматривал на сына. Сейчас его начнёт лихорадить и лучше в этот момент побыть с ним рядом. И, действительно, через полчаса Вовка застучал зубами, и его заколотил крупный озноб. На ощупь его температура подскочила под тридцать девять градусов. Он взмок, а его светлые волосы потемнели и слиплись на лбу. Дождавшись кризиса, я снял у него лишнее напряжение и исправил аномалии биополя. Помнится, у меня перестройка организма заняла около двух суток, Влади-

миру при моей помощи будет достаточно несколько часов. Я надеялся, что всё обойдётся без проблем.

И, действительно, через пару часов Владимир очнулся и попросил есть. Я накормил его позаимствованными у стражей консервами и хлебом и напоил свежей водой из колодца. Почти не просыпаясь, он слопал всё это и опять рухнул в сено. Лихорадка прошла, и теперь я мог его оставить до утра, а заодно поразмышлять, чтобы скоротать время.

Среди сонной тишины ночь окончательно захватила мир, осветив его добела раскалённой луной и обрызгав одуряющим запахом ночных растений. Земля окрасилась в серо-бирюзовые цвета, и лишь пляшущие языки пламени недалёкого костра стражников и движение едва заметных теней нарушали холодное бесцветье. Я уселся на сложенные во дворе старые брёвна, задумался, и время потеряло всякое значение.

Очнулся я перед восходом солнца оттого, что совсем ооченел. Скинув одежду, я сделал несколько энергичных растяжек, разогрелся, потом набрал в колодце ведро воды и вылил на себя, прогоняя остатки дрёмы.

Вернувшись к подклети, я увидел, что Владимир проснулся, спустился вниз и отряхивается от прилипшего сена. С хрустом потянувшись, он зевнул, и его лицо озарила лучезарная улыбка. Внешне он почти не изменился, и лишь налился силой. Никто ничего бы не понял, но я-то отлично видел, что теперь Вовка стал совсем иным человеком. За ночь его организм стабилизировался, но предстояло его заново осваивать и привыкать к изменениям. Придирчиво осмотрев парня, я уселся напротив и подробно объяснил ему, что случилось. Владимир тарачился во все глаза и, похоже, не верил.

– Запомни, сын, теперь силы Стихий стали тебе доступны. Но не обольщайся, ты не их господин, а всего лишь разумный проводник. Всегда и везде они придут тебе на помощь, лишь настройся на них и позови. Тонко чувствуй их и уважай. В своё время они не раз меня выручали, выручат и тебя. Дай-ка руку.

Я чиркнул зажигалкой и поднёс пламя к его дрогнувшей руке. Жёлто-голубой огонёк прижался к его коже, растёкся по кисти и медленно пополз вверх.

– Ух, ты! – его переполнял щенячий восторг, – здорово!

– У тебя ещё будет время пообщаться с водой, землёй и металлом, но не злоупотребляй. И пусть здравый смысл охранит тебя от ненужных ошибок. Кстати, поаккуратнее со своей силушкой, сейчас ты стал сильнее раз в двадцать, – я протянул ему толстую жердину, – сломай.

Он пожал плечами, взял орясину, сломал её как спичку и радостно засмеялся. Я улыбнулся и, легонько похлопав его по крутому плечу, сказал:

– Ступай, окунись. Заодно и Водой познакомишься. И не вздумай пугаться. Беги.

Глядя на него, я радовался и грустил. С одной стороны, он приобрёл необычные способности и серьёзную защиту, с другой – он потерял часть своей человечности. Возможно, вы меня осуждаете и вправе сказать: как же так, ведь ты сам возмущался, когда тебя без твоего согласия начали превращать в сверхсущество. Всё так, да не совсем. Я изначально уважал личность сына и его свободу. Он сам сделал выбор, и пусть будет так. Не скрою, я хотел его инициации, ибо это возвысит его. А поскольку Владимир добрый и умный человек, то использует силу во благо.

Через полчаса Вовка вернулся мокрый и без меры возбуждённый.

– Я даже не мог представить, что такое возможно! Вот это, да! – его буквально распирало от восторга.

– Теперь ты совсем другой человек. Ты получил высшую защиту и стал могущественнее, всех людей, но именно это и возлагает на тебя огромную ответственность перед ними. Пойми это и прими безоговорочно. Сегодняшний день я посвящаю тебе. Я научу тебя выживать там, где выжить нельзя, действовать тогда, когда нет никакой надежды, понимать и прощать тех, кто низко пал и облик свой потерял. Запомни, главная ценность вовсе не жизнь и уж точно не смерть. Главная ценность – любовь. Многие тысячи лет мудрецы и учёные пытаются объяс-

нить, что есть любовь, и не могут. А ведь это всё просто. Если ты сознательно и восторженно готов пожертвовать всеми своими свободами вплоть до самой жизни ради блага или спасения другого существа и радость при этом испытать – это и есть любовь. Достигнешь её, и считай, что жизнь ты прожил не зря...

За целый день тренировок и внушений неизвестно кому пришлось труднее, сыну, жадно впитывающему знания и умения, или мне, старающемуся сжать весь свой опыт в единственный урок. К вечеру оба мы изрядно измотались и если бы не короткий отдых и не харчи стражников, я бы точно откинул копыта.

По-хорошему, нам надо бы выспаться и отдохнуть, но, чувствуя неумолимый ход времени, я торопился, поэтому, не дожидаясь утра, я решил уже вечером отправиться в церковь к отцу Иоанну, который мог многое разъяснить.

Перекрестив лбы у ворот храмовой ограды, мы шагнули во двор. Стоя на гладких камнях мостовой, я замер и насторожился. В непривычно пустом дворе я не заметил ни одного человека, и даже пернатая живность почему-то облетала его стороной. Из настежь распахнутых дверей церкви не доносилось ни звука. Я поманил сына, мы ещё раз перекрестились и шагнули в пропахший ладаном полумрак.

В слабо освещённом вечерним светом помещении тихо молились несколько человек. Потрескивая, горели свечи у больших икон Божьей матери и Спасителя, а возле алтаря моргали огненными язычками десятков разноцветных лампад. Спиной к нам стоял священник, и я сразу же шагнул к нему. На звук шагов он обернулся, и я увидел бледное лицо с тёмными, гладко зачёсанными назад и собранными в хвост волосами, с тёмными бородкой и усами. Молодой батюшка взглянул на нас стального цвета глазами с маленькими булавочными зрачками и немного нараспев спросил:

– Молитвами святых отец. Чем могу помочь?

– Здравствуйте, отче, – я слегка кивнул головой, – меня зовут Антон Латов, а это мой сын Владимир. Хотелось бы увидеть отца Иоанна, мы с ним давние друзья.

Молодой священник внимательно в меня взгляделся, перекрестился, склонил набок голову и сделал приглашающий жест. Затем он бесшумно скользнул в тень левого придела. Пройдя за ним, мы попали в небольшую светлую, скромно обставленную комнату. Молодой священник остановился посередине и ещё раз приветственно кивнул головой, мне ничего не оставалось, как сделать то же самое. Уколов меня и Владимира коротким внимательным взглядом, он вытащил из-за пояса сложенную вчетверо скуфью, надел на голову и потом заговорил, немного растягивая слова:

– Я отец Паисий. Приветствую тебя, Избранный и твоего сына. Слава Творцу, – он перекрестился и ещё раз склонил голову, – я наслышан о ваших похождениях. Прошло немало времени, а вас и по сей день славят повсюду. Безмерно рад видеть воочию героя битвы за Землю.

От его явного притворства у меня начало кривиться лицо, будто от зубной боли. Я всегда терпеть не мог любого славословия, и тем более в присутствии сына. Не зная, что делать, я неловко закашлялся, закивал головой и перебил священника:

– Отец Паисий, благодарю вас, но мне бы с отцом Иоанном повидаться.

– Понимаю. Понимаю вас. Но, сожалению, ничем помочь не смогу. Во время известного прошлогоднего происшествия вместе с домом исчезли несколько человек, в том числе и отец Иоанн, – сообщил он вкрадчиво, стараясь придвинуться ко мне как можно ближе и заглянуть в глаза. – Наш настоятель имел немало лет, но сохранял крепость тела и духа. Мы его очень любили, и нам его не хватает. Я знаю – в том злосчастном доме жили ваши родственники, и соболезную в связи с их исчезновением, – он всё-таки добрался до моих глаз, взглянул прямо в зрачки, отшатнулся, передёрнул плечами и, запинаясь, продолжил: – Э-э-э... хранитель этой земли пока не назначен, а... м-м-м... известный вам объект охраняется Корпусом Стражи.

Я слушал священника, и меня не покидали смутные сомнения. Что-то во всём этом было не так.

– Скажите, отец Паисий, а кто ещё был в том доме? Вам это известно?

– Отчасти. Как я уже сказал: отец Иоанн, Семён Прокофьевич, Пахом Прокофьевич, и, кажется, старшина стражи Сергей.

– А, вы не в курсе, что они там все вместе делали ночью.

– Не ведаю.

– Благодарю, отец Паисий. Нам с сыном нужно спуститься вниз.

– Ваша воля. Мир вам. Ступайте с богом, – ответил священник, снова осторожно кольнув меня холодным взглядом.

За время моего отсутствия хранители перекрыли вход в подземелье мощным стальным затвором. Рядом я увидел приборы сигнализации. Сам затвор и приборы управления защищала толстая железная решётка. Едва мы приблизились к входу в подземелье, как нам заступили путь трое стражей в касках, бронежилетах и с автоматическим оружием наготове.

– Прошу остановиться, – раздался громкий голос одного из них, – предъявите пропуск, пожалуйста.

– Не понял, – искренне удивился я, – и кто же нынче здесь пропуска выдаёт?

– Не умничай, дядя, – грубо ответил старший наряда, выдвигая вперёд короткий ствол, – документы то хотя бы у тебя есть?

– Нет. Документов у меня вовсе нет.

– Тогда – кругом, и шагом марш.

– Но зачем же так грубо и некультурно? Я бы обязательно получил пропуск, но те, кто мог бы мне в этом помочь: отец Иоанн, хранители Семён и Пахом, или ваш старшина Сергей исчезли. Ну, не отпраляться же за разрешением в Иерусалим к моему родичу Верховному Советнику Николаю, или в Рим к Координатору Александру.

– А-а... вы кто?

– Слава Творцу, я слышу первый нормальный вопрос. Меня зовут Антон Латов.

– Избранный?.. Вы тот самый Антон Латов?

– Я не знаю, что означают ваши слова «тот самый», но я, действительно, Антон Латов. А это мой сын Владимир. Так как, дверь откроете?

– Приносим свои извинения, проходите, пожалуйста. Вас проводить?

– Нет, мы сами. Ваше дело дверь караулить. Бывайте здоровы, служивые.

Посмеиваясь, я шагнул в проём открывшейся двери и оказался на отлично освещённой лестнице. Стало немного грустно. Электрический свет стёр забываемый флёр романтики и тайны. То ли дело раньше – мрачные подземелья, факелы. Красота.

Лестница привела нас в большой тамбур со вторым створом, который тоже изменился и представлял собой бронированную круглую дверь, толщиной около метра, какие обычно ставят в банковских хранилищах или в подводных лодках. Ого! Это уже серьёзно. Настежь распахнутый люк означал, что проход нам открыли. Мы нырнули в круглый проём, миновали высокий сводчатый коридор, бесшумно распахнули древнюю медную дверь и вступили в зал Четырёх Стихий. У хранителей хватило мудрости не трогать его и оставить в первозданном виде, но теперь он выглядел иначе. Яркое освещение выявило все закоулки зала и стёрло непередаваемый дух мрачной таинственности. Теперь помещение сильно смахивало на музейные руины, и только от сияющего аспидно-чёрными гранями куба портала по-прежнему исходила неисчерпаемая мощь.

– Вот, сын, это тот самый портал. Единственный и неповторимый. За ним неизвестность, бесконечность и река времени. Ну, как не передумал? А?

– Что ты, отец! Такое бывает раз в жизни. Мне представилась уникальная возможность прикоснуться к вечности и, кстати, получить ответы на многие вопросы. Я готов немедленно нырнуть в эту самую реку!

– Хорошо. Только давай без пафоса. Отнесись к происходящему серьёзно, ведь нам предстоит шагнуть в неизвестность. Даже мне трудно представить себе то, что нас ожидает. До сих пор я ходил за Грань в прошлое, которое уже произошло, сегодня же нам предстоит переместиться в будущее, которому ещё только предстоит свершиться.

– Здорово! Интересно, как выглядит вальс звёзд в будущем?

– Насколько я понял, ты говоришь о системе Великого Аттрактора?

– Ну, да.

Я внимательно посмотрел на сына, и почему-то в глубине души возникло глухое раздражение:

– Послушай, Володя, мы идём туда не за твоими научными изысканиями. Придёт время, и я открою тебе такие базы данных, что и представить себе не можешь. Позволю себе напомнить, нам предстоит отыскать причины опасных феноменов, а, в конечном итоге, найти способ борьбы с всемогущим врагом, собирающимся уничтожить Землю, Солнце и весь этот сектор вселенной. И что я слышу? В то время, когда человечество уже подверглось нападению, тебя легкомысленно интересует феномен существования нашего злейшего врага. Запомни, нет никакого «вальса звёзд», а есть подготовка Великого Тёмного и его сателлитов к атаке на Землю.

– Да, да. Я всё понял, прости.

– Хорошо, если на самом деле понял, – меня всё больше охватывало сомнение в правильности моего решения о привлечении сына к борьбе, которая потребует убеждённости, самоотдачи и боевой злости. Я всё время приглядывался к Владимиру и пока не видел у него этих качеств. Он рассматривал всё происходящее, лишь как экзотическое приключение, организованное для любимого сына блудным могущественным папашей.

По ступенькам мы взойшли на поверхность портала. Я посмотрел на сына, и недоброе предчувствие кольнуло в сердце. Доверяя интуиции, но, не понимая причины тревоги, я медлил с переходом. Время шло, а я продолжал стоять в нерешительности.

– Ты чего ждёшь, отец?

– Может, отложим?

– Ну, уж нет.

– Ладно, становись рядом.

Окружив нас защитой, я протянул четыре канала энергии к граням портала. Затем определил время переноса 2854 год, координаты смещения: по широте – 0, по долготе – 0.

Куб пришёл в движение, его рёбра поднялись вверх, превратив его в восьмигранник, и одновременно верхняя поверхность вместе с нами опустилась внутрь. Четыре поднявшиеся колонны начали вращаться с нарастающей скоростью, пока не слились в сплошную радужную завесу.

Пространство исказилось, словно потекло, а время понеслось вскачь.

Смещение длилось мгновение, я даже выдохнуть не успел. А, когда я выдохнул, то обнаружил себя стоящим в крошечной темноте в полном одиночестве. Владимир исчез! У меня оборвалось сердце, горло сжал холод, и по спине побежали мурашки, когда в пространстве раздался и угас дьявольский хохот.

Глава 5

Стоп! Надо успокоиться. Думай, Антон, думай.

Владимир пропал, и это факт. Но, если он на Земле, это не проблема. Я внимательно просканировал окрестности. Пусто. Охватил радиус побольше. Пусто! Испытывая непонятный страх, я охватил внутренним взором всю Землю. Поиск ничего не дал. Но, если он не на планете, то где? И тут от пришедшей мысли я обмер по-настоящему.

Боясь даже подумать о своей догадке, я протянул луч своего сознания в сектор созвездия Наугольника, где обосновался Великий Аттрактор. На своё горе именно там, в внутри клубящегося мрака я и обнаружил звёздочку сознания моего сына. Я ума не мог приложить, каким образом его туда занесло, но факт оставался фактом: во время перехода Владимир оказался в плену у моего заклятого врага. Когда-то точно так же попали в неволю сощещиты, ставшие после этого «скорпионами».

От вдруг навалившейся беды зазвенела глухая пустота, и я едва устоял на ставших ватными ногах. На миг силы мне изменили, и опустошённая душа взорвалась от отчаяния. Будто зверь я завыл от безысходности, и, выкрикивая жуткие грешные проклятия, спрыгнул с портала вниз и в ярости начал молотить кулаками по стене, выбивая мелкие и крупные камни.

Хва-а-атит!!

Я смахнул со лба обильный пот. Думай, Антон, думай.

Призвав на помощь всё своё здравомыслие, я унял рвущиеся вон эмоции, вновь обретя способность соображать. Откуда эта чёрная тварь узнала о нашем переходе? Он следил за нами, или... ему кто-то сообщил. Я оказался ему не по зубам, а сына он сумел выдернуть из зоны нестабильного пространства. Гад ударил меня прямо в сердце.

А, ну-ка подбери нюни, Избранный, парень в плену, и с этим уже ничего не поделать. Во всяком случае, пока. Но вражина захватил его неспроста. Скорее всего, он хочет использовать Владимира как крупный козырь. Ладно, начнём игру. Как говорится, взял карты – играй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.